

Королев Александр Сергеевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник ЦКЕМИ НИУ ВШЭ,
Россия, Москва, askorolev@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Стрельникова Ирина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,
научный сотрудник НИУ ВШЭ,
Россия, Москва, istrelnikova@hse.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9097-0753>

**ПРОБЛЕМА ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ: ПЯТЬ ЛЕТ
ПОСЛЕ РЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА**

Аннотация: В статье через призму геополитики и международного права анализируются ключевые вопросы, связанные с конфликтом в Южно-Китайском море. Проводится детальный анализ Решения Постоянной палаты третейского суда по проблеме Южно-Китайского моря в 2016 г., анализируется потенциал основополагающий документов, к числу которых относится Декларация и разрабатываемый Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. Оцениваются перспективы развития данного конфликта и предлагаются возможные способы снижения его остроты.

Ключевые слова: АСЕАН, КНР, Южно-Китайское море, Постоянная палата третейского суда, международное право.

Для цитирования: Королев А.А., Стрельникова И.А. Проблема Южно-Китайского моря: пять лет после решения международного арбитража // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том III, № 3 (52). С. 51–64. DOI:10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-051-064

© Королев А.С., Стрельникова И.А. 2021.

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 году «Ruletaking vs rulemaking: новые институты в «новой» Азии».

The South China Sea Issue: Five Years after the Permanent Court of Arbitration Award

Abstract: The article analyzes the key issues related to the territorial disputes in the South China Sea through the prism of geopolitics and international law. A detailed analysis of the Award of the Permanent Court of Arbitration on the South China Sea issue in 2016 is carried out, the potential of the fundamental documents, including the Declaration and the Code of Conduct of the Parties in the South China Sea is analyzed. Prospects for the evolution of the conflict are assessed and possible ways of decreasing its seriousness are proposed.

Keywords: ASEAN, PRC, South China Sea, Permanent Court of Arbitration, international law

Alexander S. Korolev, PhD of Political Sciences, Research Fellow, CCEIS, HSE University, Russia, Moscow, askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Irina A. Strelnikova, PhD in Law, Associate Professor, Research Fellow, HSE University, Russia, Moscow, istrelnikova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-0753>

For citation: Korolev A.S., Strelnikova I.A. The South China Sea Issue: Five Years after the Permanent Court of Arbitration Award. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. III, № 3 (52). Pp. 51–64. DOI:10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-051-064

В международных отношениях территориальные споры всегда являлись и продолжают оставаться одним из ключевых источников конфликтов между странами, а также сфер поиска и достижения консенсусных решений. На рубеже XX и XXI вв. особую актуальность приобрели территориальные конфликты в сфере делимитации морских пространств в области Баренцева моря и Южно-Китайского моря. И если вопрос в Баренцевом море в 2010 г.^{1 2} после более чем пятидесяти лет затяжного конфликта был в целом разрешен, то проблема ЮКМ с каждым годом усложняется. Данный конфликт набирает свою остроту, поскольку его участники не могут договориться о ключевых вопросах и воспользоваться инструментами международного пра-

ва. Особенно это стало очевидно после вынесения вердикта Постоянной палаты третейского суда в 2016 г., признавшего незаконность китайских притязаний в ЮКМ и побудившего переосмыслить существующие механизмы разрешения противоречий.

На пути к Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море

Международно-правовой режим Южно-Китайского моря давно является камнем преткновения между странами АСЕАН и КНР. Попытки урегулировать этот вопрос и договориться в международно-правовом и политическом формате предпринимались странами АСЕАН не один десяток лет. Наиболее важным и одновременно показательным периодом с точки зрения способности стран «десятки» и КНР договориться между собой по проблеме ЮКМ были 1990-е годы. После того как в 1995 г. КНР оккупировала риф Мисчиф, находящийся в исключительной экономической зоне Филиппин, Манила и Ханой настояли на необходимости выработки механизма противодействия экспансии НОАК в Южно-Китайском море³. Настойчивость Филиппин и Вьетнама привела к инициированию разработки Кодекса поведения сторон в ЮКМ, идея о котором была впервые озвучена в ходе 29-го совещания министров иностранных дел АСЕАН в июле 1996 г.⁴. В ходе 6-го саммита АСЕАН в Ханое в декабре 1998 г. было принято решение, о том, что Филиппины и Вьетнам берут на себя ответственность по разработке Кодекса⁵.

С самого начала обсуждений проект будущего договора встретил серьезное сопротивление со стороны ряда стран АСЕАН, прежде всего, Малайзии. Эта страна выступила против инициативы Вьетнама по включению в текст соглашения пункта о географическом охвате территориальной проблемы, в частности, упоминания о Парасельских островах наряду с архипелагом Спратли. Вместо этого Куала-Лумпур настаивал на употреблении фразы «спорные районы в Южно-Китайском море»⁶. Помимо этого, Филиппины, будучи связанными союзническими обязательствами с США, стремились закрепить в Кодексе возможность внешнего вмешательства и оказания посреднических

услуг, что также встретило сопротивление со стороны Малайзии⁷.

Малайзийская позиция по ЮКМ в дальнейшем была четко представлена во время визита министра иностранных дел Сайеда Хамида Албара в Пекин в мае 1999 г. Тогда было согласовано совместное заявление, в котором Малайзия одобрила подход КНР и призвала к двусторонним переговорам⁸.

Наибольший резонанс среди политических фигур стран АСЕАН вызвали заявления главы малайзийского МИД, сделанные им на полях Совещания министров иностранных дел АСЕАН в Сингапуре в сентябре 1999 г. Он выступил против обсуждения проблемы ЮКМ в многостороннем формате в рамках Регионального форума АСЕАН и Совещания министров обороны АСЕАН, указав на опасность интернационализации данного вопроса⁹.

В ноябре 1999 г. в ходе неформального саммита АСЕАН Филиппины при поддержке Вьетнама предложили новую версию Кодекса. Отличительными чертами обновленного проекта стали призывы к совместному освоению архипелага Спратли, а также юридически обязывающий характер документа¹⁰. Малайзия и КНР отвергли данную версию, заявив, что соглашение не должно иметь обязательную юридическую силу, затрагивать права сторон, упоминать географические названия территорий в ЮКМ, допускать внешнее вмешательство и апеллировать к проблеме суверенитета и территориальной целостности¹¹. После долгих переговоров стороны договорились принять Декларацию вместо Кодекса, что произошло во время 8-го саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2002 г.¹².

Однако принятый документ не стал эффективным инструментом урегулирования территориальных споров между сторонами и, по своей сути, больше напоминает декларацию о намерениях. Бесплодность данных попыток была связана во многом с тем, что участвующие в конфликте страны пытались договориться лишь на региональном уровне, тогда как после подачи Филиппинами иска против Китая в международный арбитражный суд в Гааге о нарушении Китаем базовых норм и принципов Конвенции ООН по морскому праву 1982 года проблема приобрела глобальное измерение.

Международно-правовой статус вердикта Постоянной палаты третейского суда

Ретроспектива событий вокруг иска Филиппин выглядит следующим образом. В январе 2013 г. Филиппины обратились к КНР через Посольство Китая в Маниле с уведомлением и исковым заявлением о возбуждении дела в международном арбитражном суде в Гааге против Китая в связи с нарушением им норм Конвенции 1982 года. Возбуждение подобного делопроизводства Филиппинами юрисдикционно стало возможным благодаря статье 287 и Приложению VII Конвенции, предусматривающей организацию арбитражного разбирательства в случае нарушения норм Конвенции¹³. В свою очередь, Китай не признал исковое заявление Филиппин и отказался от своего участия в этих разбирательствах¹⁴.

Суть претензий Филиппин заключалась в том, что территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море превышают то, что дозволено всем странам, включая КНР, ратифицировавшим Конвенцию 1982 года, а потому являются незаконными, а сами действия Пекина в ЮКМ носят экспансионистский характер. Опубликованное 12 июля 2016 г., спустя более чем три года судебных разбирательств, решение Постоянной палаты третейского суда подтвердило обоснованность требований Филиппин и нелегитимность действия китайской стороны. Причина этого состоит в следующем. В праве в целом и в международном праве в частности большое значение имеют аргументы, на которых стороны основывают свои требования или возражения. Для подкрепления своей позиции Китай избрал три основных аргумента.

Во-первых, подписав в 2002 г. Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море¹⁵, стороны, коими, согласно документу, являются АСЕАН и Китай, должны были разрешать любые возникающие у них споры только в досудебном порядке, то есть, путем переговоров.

Во-вторых, Постоянная палата третейского суда не имеет компетенции на рассмотрение данного спора, поскольку он касается вопроса о суверенитете Китая.

Наконец, в-третьих, в данном деле, по мнению китайской стороны, отсутствует предмет спора как таковой, поскольку де-

тельность КНР в ЮКМ не имеет общего со спорами. Напротив, она является прямой реализацией Китаем его особых «исторических прав» на акваторию ЮКМ.

Рассмотрим данные доводы со стороны КНР. Международно-правовое значение Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море с точки зрения ее реального вклада в решение проблемы невелико. По сути, она представляла собой вялую попытку разобраться с многолетним конфликтом. Суть любого правового документа состоит не в самом его наличии, а в его содержании с точки зрения выполнения базовой регулятивной функции права. И именно в этом кроется основная проблема Декларации. Документ лишен правовой конкретики, каждая статья призывает решать вопросы в данной зоне посредством переговоров, но при этом собственно спорный вопрос по проблеме ЮКМ данный международный документ не решает.

Действительно, согласно Декларации, стороны согласовали мирное, посредством переговоров, решение возникающих вопросов. Однако статья 1 этой же Декларации, четко закрепляет, что стороны в процессе своей деятельности обязуются соблюдать базовые международные акты в обсуждаемой области, в числе которых Конвенция ООН по морскому праву¹⁶. Таким образом, Декларация отсылает стороны к Конвенции, и подписантом данной Декларации является Китай.

С точки зрения международного права переговоры не являются единственным способом разрешения международных споров. Как и во внутреннем национальном праве нельзя запретить другой стороне обратиться в суд за защитой своего нарушенного права, если переговоры не привели к должному результату. Данное право является гарантированным любому участнику правоотношений, и норма, его устанавливающая, является императивной. Так и в международном праве субъекты имеют гарантированное международным правопорядком право на обращение в суд. На основании изложенного, не представляется возможным согласиться с первым аргументом китайской стороны.

Второй аргумент КНР тоже едва ли состоятелен. Предметом иска Филиппин стали не вопросы суверенитета как такового, на рассмотрение которых у Постоянной палаты третейского

суда нет должной компетенции, а вопросы нарушения Китаем норм Конвенции ООН¹⁷ ввиду их несоблюдения. В данных вопросах суд компетентен принимать решения.

Наконец, попытка Пекина апеллировать к своим «историческим правам» на акваторию ЮКМ тоже не выдерживает критики. По своей правовой природе «исторические права», на которые ссылается Китай, являются правовым обычаем, причем даже не международно-правовым, а внутренним. При этом КНР не смогла доказать длительное существование данного обычая и его общепризнанность международным сообществом.

В данном контексте уместно провести параллель с похожей ситуацией, которая имеет место в Арктическом регионе и зоне Северного морского пути. Подобный прецедент с апелляцией к историческим правам сложился в этом регионе задолго до возникновения спорной ситуации в ЮКМ. В споре за свои арктические владения и территории Канада и Россия в обосновании своих претензий на спорные территории апеллируют к международному обычаю, согласно которому, территории Арктики еще сто лет назад были разделены и разграничены по секторальному принципу – по принципу их тяготения к берегам Арктических государств.

Подобное секторальное деление арктических территорий изначально с момента его появления и фиксации на уровне национального законодательства арктических стран не вызывало возражений у других неарктических государств, и в силу своего многолетнего существования и многолетнего признания со стороны международного сообщества по своей правовой природе оно переросло в международно-правовой обычай. Данный обычай просуществовал вплоть до начала активного освоения залежей углеводородов в Арктике, что возродило интерес к данным территориям со стороны других неарктических государств, и заставило мировое сообщество искать другие подходы к делимитации арктических территорий, которые в итоге выразились в принятии Конвенции и появлению нового конвенционного подхода, который стал вытеснять секторальный.

В отличие от ситуации с «историческими правами» Китая на ЮКМ, в случае со спором за арктические пространства и исторические права России на них, существует масса доказа-

тельств того исторического обычая, на который ссылается Россия. Например, уже в средневековых источниках можно найти официальное подтверждение притязаний России на свои северные территории. В свою очередь в XVI–XVII веках был установлен режим плавания для всех торговых судов в Карском море, причем причины установления подобного режима были исключительно политические. Начиная с царских указов 1616–1620 гг., были установлены исключительные права России на торговлю и промысел водных биологических ресурсов в Арктическом регионе. Инструкция 1893 г. определяла, что «все бухты русского побережья Северного Ледовитого океана и все Белое море к югу от линий, соединяющих входные мысы, подпадают под суверенитет России»¹⁸.

После принятия Постановления Президиума Центрального исполнительного органа СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане».¹⁹ Тем самым на законодательном уровне был закреплен правовой режим СМП, который в течение многих лет оставался практически признанным международным сообществом.

Применительно к проблеме ЮКМ Китай не смог доказать существование у него каких-либо «исторических прав», как это было сделано в свое время Россией в обоснование своих прав на СМП и Арктику. Но даже если бы он и сумел это сделать, в иерархии источников права приоритет имеют общепризнанные и ратифицированные нормы, принципы и договоры международного права, тогда как обычаи занимают последнее место и применяются только в отсутствии иных источников права. Китай не только ратифицировал Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, но и привел свое внутреннее законодательство в соответствие с Конвенцией. Соответственно, при любых противоречиях юридическую силу будут иметь именно нормы и положения Конвенции, а не декларируемого КНР в одностороннем порядке внутреннего правового обычая в виде «исторических прав» на ЮКМ.

Кодекс поведения как панацея?

Страны-участницы АСЕАН неоднократно поднимали вопрос о необходимости перехода от Декларации 2002 г., не принесшей ожидаемых результатов, к Кодексу поведения сторон в Южно-Китайском море, который участники Ассоциации рассматривают как важнейший инструмент нормализации региональной обстановки. В действительности сторонам удалось добиться определенного прогресса в переговорах с КНР – в 2018 г. принят единый драфт документа. Тем не менее, потенциальная «мега-сделка» по проблеме ЮКМ вряд ли станет панацеей. Более того, сами шансы на принятие итогового документа в обозримом будущем становятся все призрачнее. Можно выделить ряд причин как технического, так и содержательного характера.

Начать необходимо с того, что в 2018 г. при согласовании драфта КНР и АСЕАН поставили цель закончить переговоры по принятию Кодекса к 2021 г.²⁰. Участники «десятки» рассчитывали, что председательство СРВ в Ассоциации в 2020 г. ускорит переговорный процесс. Однако в реальности этого не произошло, что, помимо уже существовавших проблем, было связано с пандемией COVID-19. Это почти на год заморозило переговоры по обсуждению Кодекса, усилив скепсис по поводу их успешного завершения.

Даже безотносительно фактора пандемии есть серьезные опасения в том, что новый документ сыграет позитивную роль в снижении остроты противоречий из-за ЮКМ.

Во-первых, нынешний проект Кодекса не рассматривается сторонами в качестве инструмента разрешения территориальных споров или вопросов делимитации морских пространств. Одно это априори исключает возможность полноценного решения проблемы ЮКМ между КНР и АСЕАН²¹.

Во-вторых, ни в нынешней Декларации, ни в драфте Кодекса нет географических упоминаний территорий, за которые идут споры. Столь чувствительный для участников переговоров вопрос также пока еще не получил поддержки ни на уровне АСЕАН, ни со стороны КНР. Например, Вьетнам предложил, чтобы Кодекс применялся ко всем спорным объектам и морским

районам, согласно Конвенции 1982 года. Индонезия в большей степени апеллировала к необходимости уважения исключительной экономической зоны и континентального шельфа прибрежных государств. Для Филиппин принципиальным моментом, как и ранее, была попытка продвинуть в Кодекс упоминание об архипелаге Спратли и рифе Скарборо²². Однако КНР не заинтересована в юридическом закреплении конкретных территорий в ЮКМ в качестве объектов спора.

В-третьих, до сих пор неясно, как на практике будут решаться возникающие споры в ходе реализации положений Кодекса. Возникает логичный вопрос – каким образом можно усадить Китай за стол переговоров и добиться от него уступок, если ни международные договоренности, ни двусторонние документы не предусматривают механизмы принуждения. Более того, отсутствуют гарантии, что, достигнув соглашения, одна из сторон не будет нарушать договоренность, если решения не носят обязательного для всех подписантов характера. За последнее время ситуация в ЮКМ дестабилизировалась еще сильнее, что в том числе связано с ростом напряженности в отношениях между США и КНР. При этом запуск в сентябре 2021 г. трехстороннего оборонного альянса с участием США, Великобритании и Австралии (AUKUS) будет способствовать росту напряженности в акватории ЮКМ.

Некоторые страны АСЕАН выступали с различными инициативами по усилению институциональных механизмов урегулирования споров. Индонезия и Вьетнам предлагали при рассмотрении спорных вопросов обращаться к статье 14 Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г. В этой статье зафиксированы планы по созданию Высшего Совета в качестве постоянно действующего органа для решения конфликтных ситуаций между странами-подписантами Договора.²³ Однако и здесь возникает ряд проблем.

Первая – за всю историю функционирования АСЕАН данный орган по разрешению споров на практике не был задействован, и нет гарантий, в силу консенсусного метода принятия решений, что ЮКМ станет полигоном для апробации деятельности Высшего Совета.

Вторая – в силу правового статуса Договора 1976 г. решения Высшего Совета в случае его потенциального запуска будут носить рекомендательный характер, а способы ведения переговоров будут сводиться лишь к посредничеству и попыткам примирения сторон. Как показывает многолетняя практика развития событий в ЮКМ, это едва ли способствует снижению уровня конфликтности.

Третья – статья 16 Договора предусматривает, что положения 4 главы Договора «Мирное разрешение споров» не применяются к спору, если все его стороны не согласны быть участниками данного конфликта²⁴. Иными словами, если одна из стран-членов АСЕАН или Китай отказываются признавать свою вовлеченность в территориальный спор в ЮКМ, все положения договора, касающиеся способов разрешения конфликта, окажутся недействительными.

Со стороны АСЕАН поступают и более утопичные предложения. Одно из них – передать решение спора в случае провала переговоров между КНР и АСЕАН третьей стороне, но только с согласия всех участвующих лиц²⁵. Можно ли представить, что, например, Вьетнам предлагает Индии, США или Японии участвовать в переговорах по урегулированию спорных вопросов, а Китай соглашается на такие условия? Любые дискуссии на эту тему обречены на провал и вызовут в Пекине раздражение.

Таким образом, на основании предложенного международно-правового анализа конфликта в Южно-Китайском море можно вынести следующие обобщающие оценки.

Во-первых, решение Постоянной палаты третейского суда от 12 июля 2016 г. стало важным событием в эволюции международного конфликта в ЮКМ. Оно было вынесено со строгим соблюдением норм и принципов международного права, и провозгласило необходимость соблюдения Конвенции ООН по международному морскому праву 1982 года. На основании этого решения любые притязания КНР на акваторию ЮКМ со ссылкой на их особые «исторические права», не имеют правового обоснования.

Во-вторых, данное решение показало недееспособность Декларации 2002 г. На повестку дня встал вопрос об изменении

подхода к снижению остроты противоречий с позиции как международно-политических, так и правовых инструментов. Соответственно, если происходящая в настоящее время разработка Кодекса поведения пойдет по пути Декларации 2002 г. с присущим ей отсутствием регулятивного потенциала, то можно ожидать не одного иска в Постоянную палату третейского суда. Но и это не сдвинет ситуацию с мертвой точки: даже имея вступившее в законную силу решение суда, Филиппины не могут повлиять на его исполнение китайской стороной в силу отсутствия механизма принуждения.

Выводы и рекомендации

Подводя итог, необходимо подчеркнуть: для того, чтобы проблема ЮКМ вышла из стадии стагнации, сторонам необходимо заключить отдельный, причем – совершенно иной по своей сути и регулятивному потенциалу, международный договор. Его рабочим названием может стать *Договор о разграничении морских пространств в Южно-Китайском море*. Основные положения документа в обязательном порядке должны включать следующие пункты.

Первое – установление и закрепление четких географических границ в данной зоне, и проведение делимитационной линии, определяющей зоны ответственности, сотрудничества и суверенитета для каждого из участников конфликта в ЮКМ.

Второе – закрепление обязанностей каждой стороны соблюдать установленную линию разграничения морских пространств и не осуществлять какие-либо суверенные права или юрисдикцию прибрежного государства в морских пространствах за пределами этой линии.

Третье – закрепление отдельных положений по вопросам рыболовства и эксплуатации трансграничных месторождений углеводородов в спорных акваториях.

Хотя для реализации этих положений участникам конфликта предстоит немало потрудиться, данный акт будет обладать существенным регулятивным и правоприменительным потенциалом. За образец подобного международного соглашения можно взять уже упомянутый договор между Россией и Норвегией 2010 г. Лишь в этом случае Китай, ратифицировав подоб-

ный договор, не будет иметь оснований для непризнания и оспаривания решений международно-правовых инстанций.

¹ Это стало возможно после подписания Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане.

² Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (Вместе с «Вопросами рыболовства», «Трансграничными месторождениями углеводородов») (Подписан в г. Мурманске 15.09.2010). Бюллетень международных договоров. 2011. N 12. С. 79 - 85.

³ Storey I. J. Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute. Contemporary Southeast Asia. 1999. P. 95-118.

⁴ Joint Communique of the 29th ASEAN Ministerial Meeting (AMM) Jakarta, 20-21 July 1996. Association of Southeast Asian Nations. URL:

https://asean.org/?static_post=joint-communique-of-the-29th-asean-ministerial-meeting-amm-jakarta-20-21-july-1996

⁵ Hanoi Plan of Action – ASEAN. Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=hanoi-plan-of-action

⁶ Kreuzer P. A. Comparison of Malaysian and Philippine Responses to China in the South China Sea. Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9, № 3. P. 239-276.

⁷ Ibid.

⁸ Lai C. J. Rhetorical traps and China's peaceful rise: Malaysia and the Philippines in the South China Sea territorial disputes. 2019. Vol. 19, № 1. P. 117-146.

⁹ Hamid: Spratlys Issue Not for ARF Discussion. New Straits Times. 1999. July 23. URL: <https://academic.oup.com/irap/article-abstract/19/1/117/3979524?redirectedFrom=PDF>

¹⁰ Emmers R. Geopolitics and Maritime Territorial Disputes in East Asia. Routledge, 2009. 208 p.

¹¹ Ibid.

¹² Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

¹³ Summary of the Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. The State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/snhwtlcwj_1/t1368895.htm

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. ASEAN org. URL: https://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994). Бюллетень международных договоров. 1998. N 1. С. 3-168.

¹⁸ Овлащенко А.В., Покровский И.Ф. Проблемы правового режима Северного морского пути (к проведению Международного полярного года 2007 - 2008 г.г.) Транспортное право. 2007. N 2.

¹⁹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926

«Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». СЗ СССР. 1926. N 32, ст. 203.

²⁰ Sandro Wirth. A code of conduct for the South China Sea. Pax et Bellum. URL: http://www.paxetbellum.org/2021/03/12/a-code-of-conduct-for-the-south-china-sea/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=a-code-of-conduct-for-the-south-china-sea

²¹ Carl Thayer. A Closer Look at the ASEAN-China Single Draft South China Sea Code of Conduct. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct/>

²² Pedrozo, R. P. Is a South China Sea Code of Conduct Viable? International Law Studies, 2021. Vol. 97, №1. P. 937-955.

²³ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia Indonesia, 24 February 1976. ASEAN org. URL: <https://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976/>

²⁴ Ibid.

²⁵ Pedrozo, R. P. Is a South China Sea Code of Conduct Viable? International Law Studies, 2021. Vol. 97, №1. P. 937-955.